

Последние грибы

Никита Кулебякин

18+

Никита Кулебякин
Последние грибы

«Автор»

2025

Кулебякин Н. И.

Последние грибы / Н. И. Кулебякин — «Автор», 2025

Каково проснуться утром в незнакомом лесу в одиночестве и без тени памяти о вчерашнем дне? А что, если этот лес ты уже видел раньше, но и подумать не мог, что он так изменится? А что изменилось еще? Ты или город, весь мир? Время взглянуть на последние грибы.

© Кулебякин Н. И., 2025

© Автор, 2025

Никита Кулебякин

Последние грибы

Когда я открыл глаза, то увидел, что мое пробуждение приветствуют рыжие ветви сосен, а пепельно мрачное небо серой тоской вглядывается в душу. Так, Ален, началось для меня самое необычное утро.

Я лежал на земле и силился вспомнить события вчерашнего дня, но в голову так ничего и не пришло. Я не помнил, что было вчера, не мог понять, как и почему оказался в этом сосновом лесу.

Перекатившись на живот, чтобы подняться, я больно наткнулся на что-то правой рукой. Это была обычная еловая шишка. Пожалуй, теперь, Ален, это мой талисман... Горько улыбаюсь, когда пишу это сейчас. Я буду писать тебе постоянно, как выйдет минутка.

Я встал, чтобы оглядеться, может быть выискать в тайнике разума какие-то зацепки, подсказки, но все было тщетно... Можно было подумать, что вчера я был крепко пьян; пьян настолько, что алкоголь сожрал частицу моей памяти. Но эту версию я отбросил, так как чувствовал себя вполне сносно. Мог ли меня кто-то чем-то накачать? Допускаю. Но вот зачем? Большая загадка.

Хвойный лес. Бор. Ржавая хвоя шептала мне, что что-то не так, что-то неладное в этом месте, и тишина открывала голос тревоги моего сердца. Но что это было за место?

Оглядевшись вокруг, увидев, как мне показалось, где редют деревья, я двинулся туда в надежде выйти на дорогу или тропинку. Впрочем, понимал, что неудача могла ждать меня. Сколько раз бывало так, что увидев просвет, наткнулся на обрамленный деревьями луг. Ополье? Не знаю. Возможно, я неверно упомянул это слово. Тишина не помогала мне с выбором направления. Эта тишина будет еще моим другом какое-то время.

Но я брел, что мне оставалось? Прислушивался, да было бы к чему и, в конце концов, вышел на открытую местность. Ох, Ален, знала бы ты, какое удивление настигло меня! Я увидел то, что было до боли знакомо. Гладь воды прямоугольного водохранилища. Напротив возвышалась ракета Восток и виднелись солнечные батареи музея. Ты помнишь? Мы были там вместе! Как ты радовалась этому виду! Покрытому льдом калужскому морю и плотному строю зеленых деревьев в шапках из белого меха. Теперь у них иной костюм из ржавых мертвых колец.

Я не сразу понял, что меня смутило, но потом, постояв около минуты, догадался. На дамбе, защищавшей город от наводнений, не было видно какого-либо движения, хотя, помнишь, раньше по ней шло много машин. И я двинулся к ней. Чувствовал, что надо попасть в город, а иного пути не было.

*А над Боровском скоро будет
дождь!
Его принесет распыленье
тоски!*

*Я не знаю, быть может ко мне
ты придешь!
Мы уедем туда, где рождались
мечты!*

Прости, это не черный юмор, скорее смех сквозь слезы печали. Пока шел по путям из Калуги, приелся этот знакомый мотив песни, что-то там про дождь. Я не помню этого припева, и вот слова как-то сами собой сложились.

Вчера я писал тебе о том, что пошел к дамбе. Прекрасное гидротехническое сооружение, спасшее дом Циолковского от постоянного весеннего затопления. Знаешь, каждую весну до этого, он был вынужден прятаться на втором этаже. А ведь дом его довольно далек от реки.

По пути мне попалось несколько оставленных сожженных машин. Я не стал заглядывать внутрь, поскольку сердце мое посетила ужасная догадка, как только я увидел знаменитый калужский памятник, гигантский черный металлический шар на постаменте, рядом с которым возвышалась стела с объемным ликом Гагарина. Вернее, раньше возвышалась. Теперь лежала она осыпавшейся грудой. Шар же был смят, будто сделанный из фольги. Я смог сопоставить увиденное.

Странное чувство тоски пробралось в мою душу. Как бы тебе объяснить? Будто что-то сжимает сердце изнутри, по легким гуляет щекоткой воздух, глаза толи высушены, толи сейчас станут влажными.

Я размышлял, стоит ли мне продолжать свой путь, стоит ли идти в город, ведь, если я был прав, то это могло быть опасным. С другой стороны, я кое-что знал о последствиях подобного. Поэтому решил рискнуть. Тем более, что по каким-то причинам я был еще жив. Был жив и тогда, когда проснулся в этом чертовом лесу.

Предыдущее письмо я писал тебе из более или менее уцелевшего здания вокзала. В соседних магазинчиках мне даже удалось кое-что раздобыть. Ел я это с опаской, тщательно промыв, как учили в старых книгах. Но обо всем по порядку.

Перебравшись через дамбу, мне следовало отправиться на северо-восток в сторону центральной улицы города, названной в честь выдающегося деятеля революции – Кирова. Когда я приблизился к смятому взрывом шару, тому самому памятнику, перед моими глазами предстала ужасающая картина, представить которую ранее, мне было бы сложно. Все мы видели фотографии разрушений от авиабомб времен Великой Отечественной Войны. Читали об этих разрушениях, но живого представления не было. А тут воочию я увидел десятки обрушившихся домов. Нет, не до основания, стены их будто бы сминала какая-то страшная сила, пришедшая со стороны центра города. Я не решился подойти к руинам жилых зданий. Мне было страшно от того, что я мог бы там обнаружить.

Волна трепетной слабости пробежала по моему телу. Мышцы спины будто раскисли, внутри груди защекало, дыхание потяжелело. Веки застыли, будто сломавшиеся на полу ходу двери лифта. Я закрыл лицо ладонями. Милая, Алена, надеюсь, тебе удалось не видеть подобного, но еще больше я молю, чтобы ты была жива.

Сейчас я вдали от того места, но не думал, что будет тяжело это писать. Чуть выручает старый способ, но, если переборщить, не думаю, что смогу закончить это письмо. А я должен. Чувствую, что должен.

Пробираясь дальше, я понимал, что иду к эпицентру. Разрушения становились все более сильными. Машины, были вмяты в дома или смятены в кучу сплошного железного хлама, обгоревшего и оплавленного. Я вышел к знаковому для меня перекрестку. Слева стояло вскрытое здание школы, где когда-то преподавал Циолковский. А справа, оплавленным стеклом вперемешку с металлом сложенной конструкцией стоял отель, возведенный когда-то на месте моего родного дома. До центральной улицы оставалось несколько шагов. Метров триста, ну, может пятьсот. Не помню, проезжали ли мы там с тобой. Дом и школу ты видела точно, а вот сквер Мира, куда я шел... Не помню.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.